

Н. А. ТАРАСОВА

**«Воскресение» и «воскрешение»
в романе Ф. М. Достоевского
«Преступление и наказание»**

В многочисленных научных работах, посвященных роману «Преступление и наказание», указаны основные источники христианской проблематики этого произведения — Библия, древнерусская книжность, народнопоэтическая традиция. Особое внимание уделялось отражению христианской темы в сюжетно-композиционном построении романа, в системе художественных образов и мотивов, библейских аллюзий и цитат, а также в связи с исследованием мировоззрения писателя. Все эти аспекты подробно изучены*, начиная с публикаций о романе в прижизненной критике и позднее — в работах представителей религиозной мысли последней трети XIX–XX в. (Н. А. Бердяев, Л. А. Зандер, В. В. Зеньковский, Г. А. Мейер, Д. С. Мережковский, К. В. Мочульский, Н. О. Лосский, Р. В. Плетнев, Вл. С. Соловьев, Лев Шестов, С. Л. Франк, С. И. Фудель и др.), авторов советского и постсоветского времени (В. Е. Ветловская, А. Г. Гачева, И. А. Есаулов, В. Н. Захаров, Т. А. Касаткина, Ю. Ф. Карякин, И. А. Кириллова, В. Я. Кирпотин, Г. Я. Коган, Р. Г. Назиров, К. А. Степанян, Б. Н. Тихомиров, Г. М. Фридлиндер, Г. К. Щенников и мн. др.), а также зарубежных исследователей (Д. Барсотти, Дж. Гиббиан, Р. Гуардини, Р. Л. Джексон, С. М. Капилупи, Ж. Катто, Н. Натова, С. Сальвестрони, Д. Томпсон, Г. Хетсо и др.).

Одним из важнейших в контексте христианской проблематики романа «Преступление и наказание» является вопрос о воскресении души. Как известно, по отношению к главному герою произведения этот вопрос интерпретировался по-разному. Некоторая часть критиков и литературоведов придерживалась мнения о том, что Раскольников

* Обзор работ на эту тему см.: [Тарасова].

не испытывает раскаяния вплоть до эпилога к роману. Так, по мысли Н. Н. Страхова, воскресение героя «рассказано в слишком общих чертах, и сам автор говорит, что оно относится не к этой истории, а к новой, к истории обновления и перерождения человека» [Страхов: 527]*. К. В. Мочульский также писал о том, что «Раскольников не раскаялся и не “воскрес”». Воскресение его только обещано в заключительных словах эпилога: преступник еще молод, чудотворная сила жизни вынесет его. Эта “философия жизни”, вложенная в романе в уста Порфирия Петровича, намечена уже в черновиках» [Мочульский: 359]. Авторы позднейшего времени высказывались иначе. По мнению П. Торопа, «воскресенный постепенно становится воскресающим, именно постепенно, и, таким образом, эпилог романа нельзя считать искусственным, как утверждают некоторые исследователи» [Тороп: 106]. Прот. Д. Григорьев отмечал, что изображение человеческой жизни в произведениях Достоевского «развивается по тройственному христианскому закону: творение — грехопадение — Воскресение», и в романе «Преступление и наказание» Достоевский значительно больше сосредоточен на «теме, связанной с грехопадением, и лишь намечает тему Воскресения», но «она безусловно присутствует в этом романе, и без нее некоторые важные его элементы были бы неоправданны» [Григорьев: 25].

Те, кто обращался к этой теме, отталкивались от попыток определить взгляды самого Достоевского, отразившиеся в романе. С. И. Фудель подчеркивал, что вера писателя была «верой Голгофы», «верой трагической»: «...христианство он воспринимал не как доктрину для добродетельного поведения, а как раскрытие в человеке и человечестве жизни Богочеловека Христа, как наше соучастие в этой жизни, — в ее смерти и в ее воскресении. Отсюда единство его восприятия любви и страдания, столь пугающее многих» [Фудель: 10]. Отражение евангельского рассказа о пути Христа на Голгофу в истории Раскольникова анализировалось исследователями неоднократно (см.: [Гибиан: 235–236], [Натова: 32–33], [Хоц: 65–66] и др.). По утверждению Дж. Гибиана, слова Христа из Евангелия от Иоанна «*Я есмь воскресение и жизнь*» являются рефреном романа, повествующего о «человеке, который потерял жизнь и обрел ее вновь». Имеет значение и то обстоятельство, что «восточнохристианская церковь традиционно делает акцент на Воскресении, тогда как западная — на страстях Христовых». В «Преступлении и наказании», по мысли исследователя, нашли отражение оба подхода — «восточный, воплощенный в идее грядущего

* Отмечалось также, что в романе показано «не воскресение русской души, а лишь путь к воскресению — покаяние» [Жолышко: 10]. См. также: [Шестов: 504–505].

духовного возрождения Раскольникова, и западный, с упором на страдания» [Гибиан: 236].

Ориентированность романного повествования на евангельский сюжет о распятии и воскресении Богочеловека позволила исследователям высказать мысль о том, что «христианство Достоевского не теоцентрично, а христоцентрично» [Дудкин: 340]*. При этом более точными представляются те оценки, в которых связь романного повествования с евангельским текстом доказывается не через прямое сравнение Раскольникова и Христа как Мессии, фактически допускающее необоснованное отождествление преступника / грешника и Спасителя (см., например: [Кирпотин: 174, 181]), а благодаря установлению в романе библейских интертекстов, свидетельствующих о *тематической* ориентированности образа Раскольникова на содержание евангельского сюжета в целом: ключевыми для романного героя становятся темы страдания, искупления греха и воскресения, а также мотив крестного пути; именно они определяют связь этого образа с Христом.

Еще Вл. С. Соловьев отмечал, что тема спасения и воскресения души связана с принципом единства истины, добра и красоты, которые, по мнению критика, для Достоевского были «три неразлучными видами одной безусловной идеи» — «открывшейся в Христе бесконечности человеческой души, способной вместить в себя всю бесконечность божества», — именно поэтому, указывал Соловьев, в творческом сознании писателя явилась формула «красота спасет мир» [Соловьев: 305–306]**. По мысли В. В. Зеньковского, диалектика духовных исканий Достоевского определяется темой грехопадения человека и «его спасения и восстановления» [Зеньковский: 224], при этом в формуле «мир спасет красота» «дана *религиозная идея* — спасение мира через святость, через восстановление образа Божия в нас» [Зеньковский: 230]. Как отмечено в наши дни, именно «возможность преобразования человека» определяет характер религиозной эстетики писателя [Капилупи: 217]. По словам исследователя, «красота не от-

* Ср.: «...следует помнить, что уже в “Преступлении и наказании” действует закон, сформулированный писателем в черновых набросках к “Братьям Карамазовым”: “Человек есть воплощенное Слово. Он явился, чтоб сознать и сказать” (15, 205). Таков человек с осознанным идеалом, верой в Христа как идеал человека. Поэтому с точки зрения сердцевины романы Достоевского действительно христоцентричны» [Тороп: 89].

** Ср.: «Достоевский пришел к живому синтезу — правды, добра и красоты. Любовь есть правда, добро и красота, — она заключает в себе их и сияет ими» [Абрамович: 97–98]; «...единство восприятия религии и искусства, а тем самым нравственности и искусства облегчалось Достоевскому тем, что он и религию, и нравственность воспринимал именно в аспекте Красоты» [Фудель: 134].

рицает реальности грехопадения, а преображает ее. Красота — это сознание человеческого достоинства и вера в Божественное прощение. Вот почему настоящим доказательством бытия Бога становится неожиданная способность к любви, которую такие люди, как Раскольников, открывают в своем сердце» [Капилупи: 74]*.

Как известно, евангельская притча о воскресении Лазаря является в романе «Преступление и наказание» символической отсылкой к образу Раскольникова. Путь героя к воскресению объясняется не только его личным выбором между добром и злом, но прежде всего самим присутствием Бога в жизни даже грешной души: «Достоевский описал здесь подлинное *чудо* — непосредственное действие божественной благодати, посещение человеческой души Духом Святым» [Зандер: 14]. Богоприсутствие определяет обращение героя к покаянию, вере и воскресению души: «...вера в Бога вообще ни от чего зависеть не может; она есть последняя и основная интуиция нашего сознания, то *непосредственное* и объективно *данное*, с которого начинается и которым кончается всякая духовная жизнь: “Я есмь Алфа и Омега, начало и конец, первый и последний” (Откр 22: 13)» [Зандер: 27]. Воскресение души, таким образом, воспринимается как чудо: «Только *чудо* может спасти убийцу, и Соня страстно молит о чуде. Так же как беседа со Свидригайловым, диалог с Соней взлетает в метафизическую высь» [Мочульский: 370]**. Именно евангельская история о воскресении Лазаря вводит в сюжет романа мотив чуда.

Исследователи связывают с темой воскресения не только романную сцену чтения Нового Завета, но и характеристики самого пространства, в котором читается евангельский текст. В этой связи значимой становится фамилия Капернауова, хозяина квартиры, где находятся герои. Р. В. Плетнев писал о том, что «эта фамилия до известной степени связана с общим уклоном Достоевского к символике имен. Если мы откроем Евангелие и прочтем те места, которые связаны с Капернаумом, то у нас получится особое впечатление, хотя мест

* В аспекте идеи спасения о любви писал Иустин (Попович): «Тяжелая трагедия человеческой жизни только в христоподобной любви обретает свой смысл и свое оправдание» [Иустин: 172]. См. далее: «Все его христоликие герои наилучшим образом показывают и доказывают истину: Христос есть — Любовь; Любовь есть — Красота; Красота спасает мир от смерти, очищает от всех грехов, от всех пороков» [Иустин: 178]. См. также: [Трофимов: 168–169], [Касаткина: 207, 210].

** Ср.: «Потому-то и прав Раскольников, утверждая, что Соня верит в ежечасную возможность чуда, исходящего от Бога. Она действительно верит в это, причем без всяких фантазий. Просто она живет среди людей, провозглашенных Христом блаженными» [Гуардини: 57–58]. См. также: [Лебедева, 1976: 90].

этих не мало во всех четырех Евангелиях*. <...> ...имя Капернаум выступает в связи с тремя фактами: милосердное исцеление и прощение грехов**, осияние светом истины Божией и поправление гордыни; сюда же привходят и слова о воскресении (ср. Матф. XVII. 23. 24)» [Плетнев: 174–175]***.

В таком же, символическом, контексте рассматривается и описание жилища Раскольникова. М. М. Бахтин видел в романном сравнении квартиры героя с гробом («— Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб, — сказала вдруг Пульхерия Александровна, прерывая тягостное молчание, — я уверена, что ты наполовину от квартиры стал такой меланхолик» ****) символическое отражение идеи смерти и последующего возрождения: «Комната Раскольникова, такая типичная петербургская комната в таком типичнейшем петербургском доме, — это — гроб, в котором Раскольников проходит через фазу смерти, чтобы возродиться обновленным» [Бахтин: 99]. В контексте притчи о воскресении Лазаря история романного героя оказывается связанной с мотивом преодоления «“мертвого” пространства, распаханного в итоге в спасительное (Христово) бытие»: «Происходит прорыв из “дурной” замкнутости в широкие пределы истинного мира. Библейская могила (“То была пещера и камень лежал на ней” — Иоан., гл. 11, ст. 38) внятно соответствует не только каморке Раскольникова, которая не раз упомянута как “гроб”, “морская каюта”, “конура”, “шкаф”, но и всему “сгущенному” городскому

* Ссылка автора: Ср. Матф. IV. 13–17. VIII. 5. XI. 23. XVII. 23. 24; Лук. VII. 1–10. X. 15; Иоанн. IV, 46; Марк. II и т. п.

** Ср.: «Напомним, что евангельские слова “А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее мнози за то, что возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит” (Евангелие от Луки) были обращены Христом к женщине из Капернаума, блуднице, ставшей святой» [Лебедева, 1977: 26].

*** Ср.: «Соня снимала комнату у некоего портного Капернаумова, косноязычного и хромого <...>. Это смиренное убожество, эта евангельская фамилия щемят сердце и отражают собою жалкую приниженность и затаенное смирение Сони. Она не могла не очутиться в тесном соседстве с Капернаумовыми и именно в такой комнате, в какой она теперь жила. <...> Жилище Сони Достоевский описывает подробно потому, что оно не только снимок ее греховности, ее искаженного существования и душевных страданий, но еще и часть души Раскольникова, судьба которого теперь в Сониных руках» [Мейер: 263]. См. также: [Кирпотин: 155], [Захаров, 2011].

**** *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 35 т. Л.: Наука, 2016. Т. 6. С. 198. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках. Еще не вышедшие в этом издании произведения (начиная с т. 9) цитируются по первому ПСС: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

пространству героя, давящей картине рационально понятого мира. Это “герметичное” пространство распахнуто в эпилоге в широкую картину степи и берега Иртыша, знаменуя прорыв к новому миропониманию» [Хоц: 56–57].

Следует обратить внимание на то, что в романе «Преступление и наказание», в отличие от исследовательской литературы о нем, ни разу не встречается лексический вариант «воскрешение» — Достоевский использует слово «воскресение»*:

- «— Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим?
- Верую, — твердо отвечал Раскольников; говоря это и в продолжение всей длинной тирады своей, он смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре.
- И-и-и в Бога веруете? Извините, что так любопытствую.
- Верую, — повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.
- И-и в воскресение (здесь и далее подчеркнуто мной. — *Н. Т.*) Лазаря веруете?
- Ве-верую. Зачем вам всё это?» (6: 224);
- «— Про воскресение Лазаря где? Отыщи мне, Соня» (6: 278);
- «Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: *Я есмь воскресение и жизнь*; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек. Верить ли сему? Она говорит Ему: (и как бы с болью переведя дух, Соня отдельно и с силою прочла, точно сама во всеуслышание исповедовала:)
- Так, Господи! Я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир» (6: 280);

* Вариант «воскресение» является преобладающим и в других произведениях. В «Братьях Карамазовых» есть формы, производные от глагола «воскрешать»: «Вы воскрешаете меня...» (14: 336), «О господа, я воскрешен...» (14: 414, в обоих случаях слова Дмитрия Карамазова). Слово «воскрешение» (наряду с более частотным вариантом «воскресение») встречается в «Дневнике писателя» за 1876 г. в следующих строках: «Нет, тут сила; это величаво, а не смешно; это — воскрешение древней римской идеи всемирного владычества и единения, которая никогда и не умирала в римском католичестве...» (22: 89); «О, конечно, вы можете смеяться над всеми предыдущими “мечтаниями” о предназначении русском, по вот скажите, однако же: не все ли русские желают воскресения славян именно на этих основаниях, именно для их полной личной свободы и воскрешения их духа, а вовсе не для того, чтобы приобрести их России политически и усилить ими политическую мощь России, в чем, однако, подозревает нас Европа?» (23: 47–48). Кроме того, в произведениях Достоевского встречается устойчивый речевой оборот «обновление и воскресение» — например, в повести «Хозяйка» (2: 20), романах «Идиот» (8: 501) и «Бесы» (10: 200; 11: 239), «Дневнике писателя» за 1873 г. (21: 131) и статье «Иностранные события» для журнала «Гражданин» за 1873 г. (21: 235), «Дневнике писателя» за 1877 г. (25: 68).

«Далее она не читала и не могла читать, закрыла книгу и быстро встала со стула.

— Всё об воскресении Лазаря, — отрывисто и сурово прошептала она и стала неподвижно, отвернувшись в сторону, не смея и как бы стыдясь поднять на него глаза» (6: 281);

«Он страдал тоже от мысли: зачем он тогда себя не убил? Зачем он стоял тогда над рекой и предпочел явку с повинною? Неужели такая сила в этом желании жить и так трудно одолеть его? Одолел же Свидригайлов, боявшийся смерти?

Он с мучением задавал себе этот вопрос и не мог понять, что уж и тогда, когда стоял над рекой, может быть, предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь. Он не понимал, что это предчувствие могло быть предвестником будущего перелома в жизни его, будущего воскресения его, будущего нового взгляда на жизнь» (6: 468–469).

«Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она читала ему о воскресении Лазаря» (6: 473).

Как следует из текста, тема воскресения звучит в различных эпизодах — в размышлениях Раскольникова, а также в диалогах его с Порфирием Петровичем и Соней. В определенном смысле предваряет развитие темы реплика Раскольникова, обращенная к матери и сестре, когда, уже после совершения убийства, герой испытывает чувство обособленности от мира:

«— Я хотел сказать... идя сюда... я хотел сказать вам, маменька... и тебе, Дуня, что нам лучше бы на некоторое время разойтись. Я себя нехорошо чувствую, я не спокоен... я после приду, сам приду, когда... можно будет. Я вас помню и люблю... Оставьте меня! Оставьте меня одного! Я так решил, еще прежде... Я это наверно решил... Что бы со мною ни было, погибну я или нет, я хочу быть один. Забудьте меня совсем. Это лучше... Не справляйтесь обо мне. Когда надо, я сам приду или... вас позову. Может быть, всё воскреснет!.. А теперь, когда любите меня, откажитесь... Иначе, я вас возненавижу, я чувствую... Прощайте!» (6: 268).

В финале романа эта мысль получает развитие и высказана по отношению к обоим героям — Соне Мармеладовой и Раскольникову:

«Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого.

Они положили ждать и терпеть. Им оставалось еще семь лет; а до тех пор столько нестерпимой муки и столько бесконечного счастья! Но он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она — она ведь и жила только одною его жизнью!» (6: 473).

Выражение «источники жизни» восходит к ветхозаветному тексту, где оно используется в Книге Притчей Соломоновых. С содержанием романного финала наиболее соотносимо изречение: «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни» (Притч 4: 23). В Ветхом Завете, кроме того, «источником жизни» и «источником воды живой» именуется Господь (см.: Пс 35: 6–10; Иер. 2: 12–13; ср. 17: 13), и в таком значении «образ переходит в Новый Завет, где дословно повторен в Откровении святого Иоанна Богослова» [Тихомиров, 2017: 873–874], в главе, описывающей состояние мира после воскресения (см.: Откр 21: 6).

В русских переводах Библии, как в Синодальном, так и в издании Нового Завета 1823 г. (экземпляр которого был у Достоевского и содержит его многочисленные пометы), используется именно этот вариант — «воскресение». Из параллелей с библейским текстом ясно, что это слово в Ветхом Завете относится к Господу и истинно верующим — например, к семи святым мученикам Маккавеям, отказавшимся приносить жертву языческим богам. О четвертом мученике сказано: «Будучи близок к смерти, он так говорил: умирающему от людей возжеленно возлагать надежду на Бога, что Он опять оживит; для тебя же не будет воскресения в жизнь» (2 Мак 7: 14; ср.: 2 Мак 12: 43; 3 Езд 2: 23). В Новом Завете слово относится к Христу, к тем, кто переживает чудо воскресения при встрече с Христом*, а также в целом к теме воскресения мертвых, ср.:

«Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией. Ибо в воскресении не женятся, ни замуж не выходят; но живут, как Ангелы Божии на небеси. О воскресении же мертвых разве не читали вы, что сказано вам от Бога глаголющего: Я есмь Бог Авраамов, и Бог

* Появление сцены чтения Нового Завета в романе вызвало различные толкования. Г. Ф. Коган согласилась с предположением Дж. Гибiana (см.: [Гибiana: 236]) о том, что «чтение Евангелия в окончательном тексте романа появилось вместо задуманного Достоевским первоначально “Видения Христа”», но подчеркнула, что обе сцены могли существовать «в сознании писателя при создании романа с самого начала» [Коган: 150]. По мнению Т. Б. Лебедевой, писатель отказался вводить в роман образ Христа, потому что «открытое привнесение мистического элемента в “современнейшее” для 60-х годов произведение нарушило бы внутреннюю логику развития действия в нем» [Лебедева, 1976: 95]. П. Тороп говорит о сознательной художественной установке автора: «Если история Лазаря в тексте почти эксплицирована, вплоть до цитирования текста Евангелия, то история Христа представлена в виде постулирующего умолчания, т.е. в основном это имплицитно представленная история» [Тороп: 107]. О черновой стадии работы Достоевского над романом см.: [Мочульский: 357–361], [Фридлиндер: 137–172], [Жарякин: 124–129], [Амелин, Пильщиков: 276–277], [Тихомиров, 1996: 251–269].

Исааков, и Бог Иаковлев? (*Исход. 3:16.*) Бог не есть Бог мертвых, но живых» * (Мф 22: 29–32; слева в нижнем углу загиб страницы)**;

«Но когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромым, слепых. И блажен будешь, что они не могут воздать тебе; ибо воздастся тебе в воскресение праведных» (Лк 14: 13–14; см.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 181*)***;

«Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе. И дал Ему власть и суд производить, потому что Он есть Сын человеческий. Не дивитесь сему: ибо наступает время, в которое все находящиеся во гробах услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни; а делавшие зло — в воскресение осуждения» (Ин 5: 26–29; см.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 228*)****;

«Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякой, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Веришь ли сему?» (Ин 11: 23–26; см.: *Евангелие Достоевского. Т. 1. С. 249*, начало ст. 23 отмечено корректурным знаком «×» чернилами; слова в ст. 25 «Я есмь воскресение и жизнь» подчеркнуты карандашом; ст. 25–26 отчеркнуты карандашом на полях и отмечены знаком «NB NB»; слова в ст. 26 «Веришь ли сему?» отмечены с двух сторон корректурными знаками)*****;

* [Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года]: [в 3 т.]. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017. Т. 1: Новый Завет. Факсимиле издания 1823 года. Описание маргиналий и владельческих помет. Сибирская тетрадь. Факсимиле. С. 58 [Электронный ресурс]. URL: <http://deniskmc.beget.tech/library.html>. Далее ссылки на это издание приводятся с использованием сокращения *Евангелие Достоевского*, указанием тома и страницы в круглых скобках. В необходимых случаях, для ясности изложения, в цитатах изменена пунктуация источника в соответствии с современным правописанием. В подстрочных примечаниях приводится вариант Синодального перевода.

** Ср. в Синод. переводе: «Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией, ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах. А о воскресении мертвых не читали ли вы реченного вам Богом: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф 22: 29–32).

*** Ср. в Синод. переводе: «Но, когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромым, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных» (Лк 14: 13–14).

**** Ср. в Синод. переводе: «Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе. И дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий. Не дивитесь сему; ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения» (Ин 5: 26–29).

***** Ср. в Синод. переводе: «Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Веришь ли сему?» (Ин 11: 23–26).

«Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех их» (Деян 4: 33; см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 288–289, справа в верхнем углу загиб страницы 289)*;

«Но в том признаюсь я тебе, что подлинно тем образом *богопочитания*, который они называют ересью, служу Богу отцев моих, веруя всему написанному в законе и пророках, имея надежду на Бога (чего и они сами ожидают), что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных. Для сего и подвизаюсь я, чтобы всегда иметь неукоризненную совесть пред Богом и человеками» (Деян 24: 14–16; см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 349, справа в верхнем углу загиб страницы; ст. 15–16 отчеркнуты ногтем на полях)**;

«И нас ныне, подобное сему образу крещение, не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести, спасает воскресением Иисуса Христа...» (1 Пет 3: 21; см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 377, справа в верхнем углу загиб страницы)***;

«Так и при воскресении мертвых. Сеется тленное, воскресает нетленное; сеется презренное, воскресает славное; сеется немощное, воскресает сильное; сеется тело душевное, воскресает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное» (1 Кор 15: 42–44; см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 463, справа в верхнем углу загиб страницы, ст. 42–44 отчеркнуты карандашом на полях)****;

«Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти; но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет» (Откр 20: 6; см.: *Евангелие Достоевского*. Т. 1. С. 615, справа в верхнем углу загиб страницы, ст. 6 отчеркнут ногтем на полях)*****.

Евангельская цитата «Я есмь воскресение и жизнь» до «Преступления и наказания» упоминается в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863, глава «Ваал»), в критическом отклике на тему

* Ср. в Синод. переводе: «Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех их» (Деян 4: 33).

** Ср. в Синод. переводе: «Но в том признаюсь тебе, что по учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу отцов *моих*, веруя всему, написанному в законе и пророках, имея надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают. Посему и сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми» (Деян 24: 14–16).

*** Ср. в Синод. переводе: «Так и нас ныне подобное сему образу крещение, не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести, спасает воскресением Иисуса Христа...» (1 Пет 3: 21).

**** Ср. в Синод. переводе: «Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное» (1 Кор 15: 42–44).

***** Ср. в Синод. переводе: «Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет» (Откр 20: 6).

католицизма: «У освещенного окна кофейной я рассмотрел бумажку: это был маленький квадратный лоскуток; на одной стороне его было напечатано: “Crois-tu cela?”. На другой стороне, по-французски же: “Аз есмь воскресение и живот...” и т. д. — несколько известных строк. Согласитесь, что это тоже довольно оригинально. Мне растолковали потом, что это католическая пропаганда, шныряющая всюду, упорная, неустанная. То раздаются эти бумажки на улицах, то книжки, состоящие из разных отдельных выдержек из Евангелия и Библии» (5: 82). Интересно то, что Достоевский процитировал здесь церковнославянский перевод, но неточно. В церковнославянском тексте:

ѦЗѦ ѦСМЪ ВОСКРѦШЕНІЕ Ѧ ЖИВОТЪ

В тексте «Зимних заметок...» слово «воскрешение» (ср. древнегреч. ἀνάστασις, лат. resurrectio — восстановление) заменено вариантом русского перевода «воскресение». Эти языковые варианты выражают значения субъектного («воскресение») и субъектно-объектного («воскрешение») действия*. В данном месте евангельского текста они возникают именно потому, что это характеристика Христа, обладающего одновременно силой воскресения и воскрешения. В то же время следует учесть, что русский перевод библейского текста, как и в целом языковая традиция, свидетельствует о том, что «русская православная теология понимает воскресение обобщенно — и как воскрешение из мертвых, и как воскресение Христа, и выбирает термин воскресение для обоих понятий», что находит отражение и в толковых словарях (см.: [Никифорова: 105]). Выбор славянской основы «въскрьс-» объясняется тем, что древнегреческие эквиваленты слов «воскресение» / «воскрешение» «ἀνάστ-», «ἐγερσ/т-» «в большинстве своем имеют внутреннюю форму, отражающую представления о “вставании с места”, затем — о метонимическом переносе изменения в пространстве как изменения состояния “пробуждении ото сна, бодрствовании”, а далее, в результате метафорического переосмысления, о новозаветном “воскресении, восстании из мертвых”» [Никифорова: 106]**. При этом,

* «Воскресение» — действие и состояние субъекта в соответствии со значениями глагола «воскреснуть»; «воскрешение» — действие субъекта по отношению к объекту в соответствии со значениями глагола «воскресить», см. подробнее: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. С. 112.

** Выводы исследователя основаны на словарных данных, см.: Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. СПб., 1899. Стб. 99, 362.

по мнению исследователя, профанное языковое сознание «различает представления о воскресении Христа как религиозном празднике и основной доктрине христианства, — это “восстание от мертвых, оживание, возрождение”, с одной стороны, и воскрешении как “действии воскрешающего” — с другой» [Никифорова: 107]*.

В художественной концепции романа «Преступление и наказание» воскресение — это осознанный и обретенный человеком путь к вере и спасению души, путь, предполагающий собственную внутреннюю работу, а не только воскрешающую помощь ближнего. О начале этого пути говорится в эпилоге (см. выше), хотя вся история Раскольникова, включая кульминационную сцену чтения Нового Завета, несомненно, этот путь подготавливала.

В 1994 г. В. Н. Захаров указал на то, что в творчестве Достоевского «из всех символических дат церковного календаря исключительное значение имеет Пасхальный цикл» [Захаров, 2012b: 136–137]. И. А. Есаулов высказал гипотезу о «наличии особого *пасхального архетипа* и его особой значимости для русской культуры» и, в частности, для романа «Преступление и наказание» [Есаулов: 357], отметив, что «многие черты поэтики Достоевского обусловлены фундаментальными особенностями русского православного видения мира: ценностной иерархией Закона и Благодати, соборным типом мышления, литургическим акцентом не на Рождество Христово, но на Воскресение» [Есаулов: 350]. По мысли исследователя, «в духовном подтексте, имманентном русской словесности, для того, чтобы *воскреснуть*, неизбежно необходимы страдания и — в пределе — полная, понятая отнюдь не метафорически гибель: Воскресения без смерти, увы, не бывает», однако «Воскресение — это совсем не второе Рождение, не возрождение заново. Это, напротив, спасение — как переход в иное (духовное) измерение, в иное качество» [Есаулов: 357]. В композиционном расположении сцены чтения Нового Завета «структура романа отчасти уже повторяет структуру евангельского инварианта», где описание воскресения Лазаря занимает «центральное положение в Евангелии от Иоанна, будучи расположено в 11-й главе» [Есаулов: 359]. После чтения Соней Евангелия Раскольников «отнюдь не “воскресает” к новой жизни (подобно Лазарю), но возвращается к мысли о власти “над всей дрожащею тварью и над всем муравейником” как своей “цели”». По мнению И. А. Есаулова, следует учесть, что «на православной литургии воскресение Лазаря воспоминается во время Великого поста (на его пятой неделе). Испытания героя — как раз в соответствии с литургическим циклом — еще далеко не закончены,

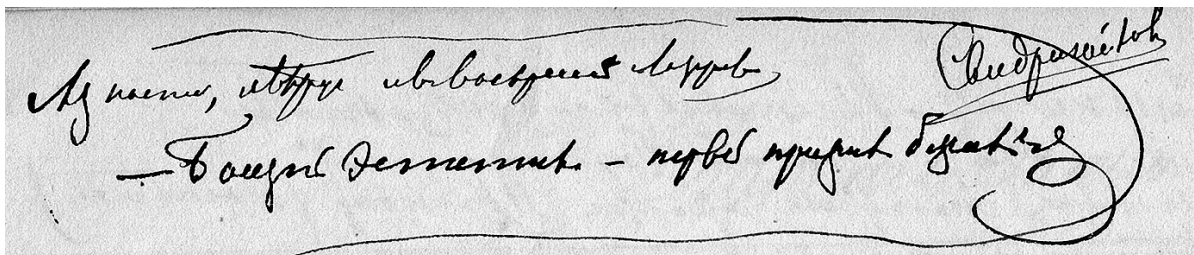
* Выводы исследователя основаны на словарных данных, см.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1998. Т. 1. С. 248.

его “наказание” растягивается вплоть до финала. Однако одновременно этот “путь” героя становится, начиная с рассматриваемого эпизода, уже своего рода паломничеством к Пасхе, к “новой жизни”...» [Есаулов: 359]. С точки зрения особенностей романного хронотопа важным оказывается и пространственное положение героев в квартире Капернаутовых. Кроме Раскольников, при чтении евангельского текста присутствует Свидригайлов, который «и стул перенес», чтобы в следующий раз «устроиться покомфортнее» (эта деталь создает «эффект театрального зрелища с актерами и зрителем»), и «прослушивает исповеди героев, а также и само евангельское чтение, будучи отделен от их мира этической и даже пространственной дистанцией: закрытой дверью» [Есаулов: 361].

Если окончательный текст романа породил множественность исследовательских интерпретаций, — не случайно эпилог «Преступления и наказания» вызывал различные, иной раз противоположные, толкования, — то в черновых рукописях к роману расстановка акцентов более очевидна и открыта, появляются авторские ремарки. Тема воскресения звучит и на этой — черновой — стадии работы Достоевского над текстом.

В рабочих тетрадях писателя, содержащих наброски к роману, эта тема связана прежде всего с мотивом воскресения Лазаря. В одном случае возле реплики:

«А знаете, я вѣрую и въ воскресеніе Лазарево. / — Боязнь эстетики — первый признакъ безсилія» (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 67) — стоит помета «Свидригайлов», т.е., по-видимому, эти слова принадлежат в черновике данному персонажу:

Илл. 1

Во второй записи слова о Лазаре произносит Соня:

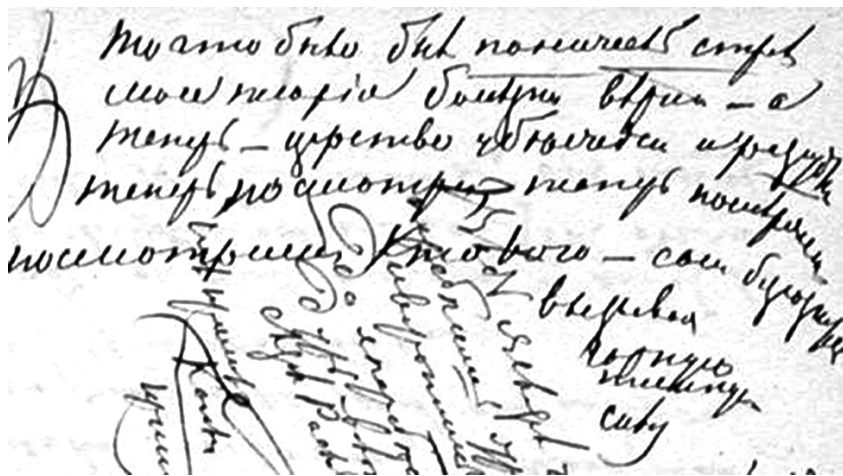
«И потомъ, когда Свидригайловъ даетъ ей денегъ

— Я сама {была} Лазарь умершій и Христось воскресить меня. —

НВ. Соня идетъ за нимъ на Голгофу, въ 40 шагахъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 127).

Другой набросок на этом же листе и текст чернового автографа на соседнем листе указывают на то, что в Раскольникове гордыня борется с осознанием пути к воскресению (то же и в окончательном тексте романа, где Раскольников объясняет свое состояние после убийства болезнью):

«То что было былъ паническій страхъ, моя теорія болѣзни вѣрна — а теперь — царство убѣжден<ія> и разсудка, теперь посмотри<мъ>, теперь помѣряемся, посмотримъ, кто кого — самъ безсознатель<но> вызывая черную темную силу» (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.2/4. Л. 8).

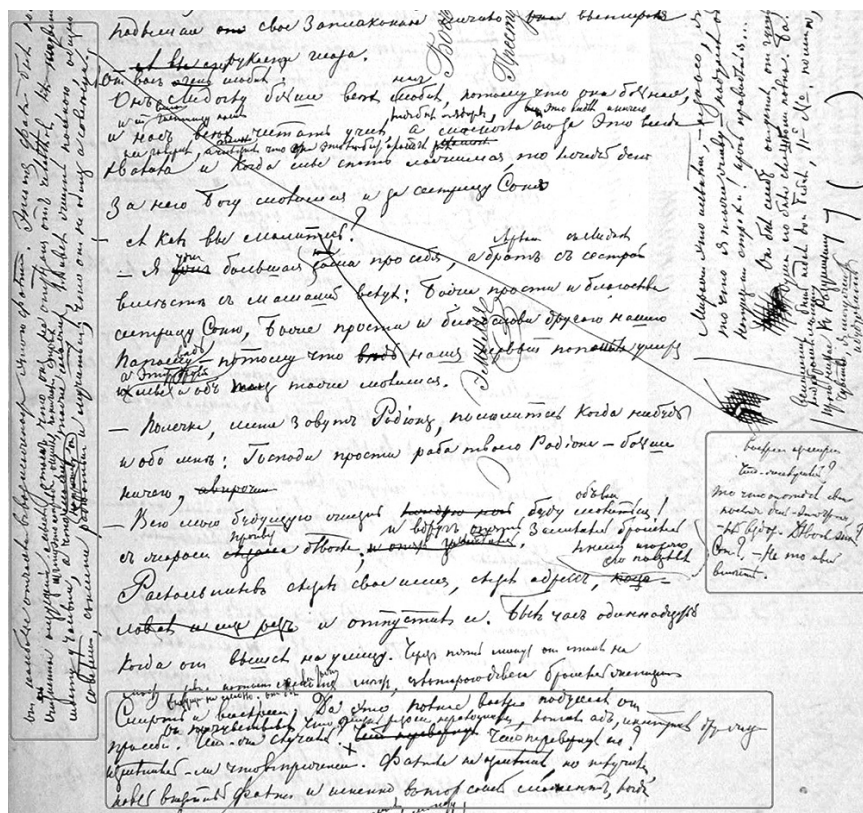
Илл. 4

Ср. на соседнем листе чернового автографа (на Илл. 5 интересующие нас записи выделены красным цветом):

«Смерть и воскресен<ие>. Да это полное воскрес<ение>, подумаль онъ про себя. {Онъ почувствовалъ что жизнь разомъ переломилась, кончился адъ, и наступила друг<ая> жизнь.} Что же случилось? [Что перевернуло] Что перевернуло его? Измѣнилось ли что въ прежнемъ<?> Факты не измѣнились, но получился новый внезапный фактъ и именно въ тотъ самый моментъ, когда онъ наиболѣе отчаялся въ возможности этого факта. Этотъ фактъ былъ полное, непосредст<венное> жизненное ощущение, мысль о томъ, что онъ не отрѣзанъ отъ человѣковъ, какъ почувствовалъ онъ тогда на мосту у часовни {не что это неправда, ошибка, паническій страхъ}, а что {напротивъ онъ} можетъ, тоже можетъ, какъ и всѣ, жить полною, общою жизнью вмѣстѣ со всѣми, съ ними радоваться и мучиться; что онъ не одинъ, а со всѣми*.

Воскресъ из мерт<выхъ>. Что же случилось? То что онъ отдалъ свои послѣдн<ія> день<ги> — это что ли<?> Какой вздоръ. Дѣвочка эта? Сон<я>? — Не то, а все вмѣстѣ» (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.2/4. Л. 8 об.).

* Текст: онъ наиболѣе ~ онъ не одинъ, а со всѣми. — вписан на полях. Соединен линией с наброском на полях: Воскресъ изъ мерт<выхъ>. ~ Не то, а всё вмѣстѣ.

Илл. 5

Справедлив вывод И. А. Есаулова о том, что в романе «болезнь» Раскольникова описана в символическом ключе и в сопоставлении с евангельской притчей о воскресении Лазаря: «Сравнивая Евангелие от Иоанна и те его фрагменты, которые звучат в романном мире, можно сказать, что у Достоевского болезнь Лазаря не случайно манифестирована, а строки о его смерти отсутствуют» [Есаулов: 360]. Применительно к содержанию романа «Преступление и наказание» это болезнь *неверия*. Символично, что и «финальное воскресение Сони и Раскольникова наступает также после болезни. Если начало чтения Соней совпадает с началом 11-й главы Евангелия, то конец этой главы и завершение чтения в романе не совпадают. У Достоевского этот евангельский эпизод имеет следующее окончание: “Тогда многие из иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в него”. Это предложение интонировано автором, оно выделено курсивом» [Есаулов: 361], см. также [Захаров, 1979], [Захаров, 2012а].

Таким образом, рукописный и печатный тексты романа «Преступление и наказание» показывают, что Достоевский, оставляя «блуднице» и «убийце», сошедшимся «за чтением вечной книги», надежду на спасение, понимал тему воскресения именно так, как она в ключевых своих положениях представлена в новозаветном повествовании.

Список литературы

1. *Абрамович Н. Я.* Христос Достоевского. М.: Изд-во И. А. Маевского, 1914. 164 с.
2. *Амелин Г. Г., Пильщиков И. А.* Новый Завет в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Логос. 1992. № 3. С. 269–279.
3. *Бахтин М. М.* Дополнения и изменения к «Рабле» // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари, 1997. Т. 5. С. 80–129.
4. *Гибиан Дж.* Традиционная символика в «Преступлении и наказании» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1992. Т. 10. С. 228–240.
5. *Григорьев Д., прот.* Достоевский и Церковь. У истоков религиозных убеждений писателя. М.: Изд-во Православ. Свято-Тихонов. Богослов. Ин-та, 2002. 175 с.
6. *Гуардини Р.* Человек и вера. Брюссель: Жизнь с Богом, 1994. 331 с.
7. *Дудкин В. В.* Достоевский и Евангелие от Иоанна // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 337–348 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2524> (26.01.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2524
8. *Есаулов И. А.* Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 349–362 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (26.01.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2526
9. *Зандер Л. А.* Тайна добра: (проблема добра в творчестве Достоевского). Frankfurt a/M.: Посев, 1960. 154 с.
10. *Захаров В. Н.* Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь. 1979. № 4. С. 21–27.
11. *Захаров В. Н.* «Вечное Евангелие» в художественных хронотопах русской словесности // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. Вып. 9. С. 24–37 [Электронный ресурс]. URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962964.pdf (26.01.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2011.301
12. *Захаров В. Н.* Курсив Достоевского // Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. С. 32–39. (a)
13. *Захаров В. Н.* Символика христианского календаря в поэтике Достоевского // Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. С. 128–137. (b)
14. *Зеньковский В. В.* Проблема красоты в мирозерцании Достоевского // Русские эмигранты о Достоевском / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. С. 222–236.
15. *Иустин (Попович), прп.* Достоевский о Европе и славянстве / Пер. с серб. Л. Н. Даниленко. СПб.: Адмиралтейство, 1998. 270 с.

16. *Капилуни С. М.* «Трагический оптимизм» христианства и проблема спасения: Ф. М. Достоевский. СПб.: Алетейя, 2013. 284 с.
17. *Карякин Ю. Ф.* Самообман Раскольникова. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». М.: Худож. лит., 1976. 158 с.
18. *Касаткина Т. А.* Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский: дополнения к комментарию / Под ред. Т. А. Касаткиной; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 2005. С. 203–235.
19. *Кирпотин В. Я.* Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. (Книга о романе Достоевского «Преступление и наказание»). М.: Худож. лит., 1986. 412 с.
20. *Коган Г. Ф.* Вечное и текущее: (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя) // Достоевский в конце XX века / Сост. и ред. К. Степанян. М.: Классика плюс, 1996. С. 147–166.
21. *Кольшко И. И.* Два преступления и два искупления. Критико-психологический этюд. СПб.: Тип. кн. В. П. Мещерского, 1901. 56 с.
22. *Лебедева Т. Б.* Образ Раскольникова в свете житийных ассоциаций // Проблемы реализма / Под ред. проф. В. В. Гуры. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1976. Вып. 3. С. 80–100.
23. *Лебедева Т. Б.* О некоторых мотивах апокрифической литературы в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // XXIX Герценовские чтения. Литературоведение. Научные доклады. Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1977. С. 25–29.
24. *Мейер Г. А.* Свет в ночи. (О «Преступлении и наказании»): опыт медленного чтения. Frankfurt a/M.: Посев, 1967. 515 с.
25. *Мочульский К. В.* Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 219–562.
26. *Натова Н. А.* Метафизический символизм Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1997. Т. 14. С. 26–45.
27. *Никифорова С. А.* Ранняя славянская терминология христианства: структура и семантика композита (на материале древнерусского и древнечешского языков). Университет им. Масарика, 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://is.muni.cz/th/344588/ff_d/disertacni_prace.pdf (26.01.2020)
28. *Плетнев Р. В.* Достоевский и Евангелие // Русские эмигранты о Достоевском / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. С. 160–190.
29. *Соловьев Вл. С.* Три речи в память Достоевского // Соловьев Вл. С. Сочинения: в 2 т. / АН СССР. Институт философии; общ. ред. и сост. А. В. Гудыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 289–323. (Философское наследие; т. 105)
30. *Страхов Н. Н.* Наша изящная словесность. Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом Ф. М. Достоевского. Издание исправленное. Два тома. Петербург. 1867. Статья вторая и последняя // Отечественные Записки. 1867. Апрель. Кн. первая. С. 514–527.

31. Тарасова Н. А. Христианская тема в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». М.: Квадрига, 2015. 192 с.

32. Тихомиров Б. Н. К осмыслению глубинной перспективы романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский в конце XX века / Сост. и ред. К. Степанян. М.: Классика плюс, 1996. С. 251–269.

33. Тихомиров Б. Н. Задачи и принципы комментирования библейских интертекстов Достоевского // Евангелие Достоевского: [Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года]: [в 3 т.]. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017. Т. 2: Исследования; материалы к комментарию. Сибирская тетрадь Достоевского / В. Н. Захаров, В. Ф. Молчанов, Б. Н. Тихомиров, В. П. Владимирцев. С. 787–913.

34. Тороп П. Достоевский: история и идеология. Тарту: Tartu ülikooli kirjastus, 1997. 170 с.

35. Трофимов Е. А. О логичности сюжета и образов в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский в конце XX века / Сост. и ред. К. Степанян. М.: Классика плюс, 1996. С. 167–188.

36. Фридендер Г. М. Реализм Достоевского. М.; Л.: Наука, 1964. 404 с.

37. Фудель С. И. Наследство Достоевского / Сост., подг. текста, комм. прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной // Фудель С. И. Собр. соч.: в 3 т. М.: Русский путь, 2005. Т. 3. С. 7–176.

38. Хоц А. Н. Структурные особенности пространства в прозе Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1994. Т. 11. С. 51–80.

39. Шестов Л. Преодоление самоочевидностей: (к столетию рождения Ф. М. Достоевского) // Властитель дум: Ф. М. Достоевский в русской критике конца XIX — начала XX века / сост., вступ. ст., коммент. Н. Ашимбаевой. СПб.: Худож. лит., 1997. С. 461–537.

